



А. И. ЕФИМОВ

Язык сатиры Салтыкова-Щедрина

<Фрагменты>

АФОРИСТИЧЕСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ ЩЕДРИНА

1

Художественный лаконизм, меткость, образность и смысловая емкость речевых средств — все это придает искусству афористического выражения особую ценность. Надолго только немногих писателей выпало счастье обогатить фразеологию родного языка удачными афоризмами — этими бессмертными памятниками таланту, остроумию и вдохновению.

К числу таких мастеров художественного слова принадлежит Щедрин. Создавший множество удачных афоризмов, эзоповских формул, полемических кличек, прозвищ и т. п., сатирик зарекомендовал себя как сторонник «величественной краткости» и враг «размазисто-стыдливо-пустопорожного красноречия». Девиз его фразеологического творчества — «больше той величественной краткости, которая прямо и неуклонно впивается в самую морду заподозренного в гнусности субъекта» (II, 477)*. Не случайно поэтому фразеология сатирика, получившая еще при его жизни всеобщее признание, оказалась в наше время весьма популярной и употребительной.

Афоризмы — это меткие и лаконичные изречения литературно-книжного происхождения; это своего рода пословицы, имеющие авторов. Как и другие «крылатые» фразеологические единицы, афоризмы характеризуются устойчивостью сцепления слов и «ходячестью», т. е. популярностью и повторяемостью. Эти устойчивые, клишеобразные сочетания, как правило, отличаются смысловой актуальностью, точностью и правдивостью заключенных в них обоб-

* В скобках — ссылки на Полное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина (1934–1941). — *Прим. ред.*

щений. Они проверены временем и одобрены многими поколениями. Щедрин справедливо замечал, что пословицы актуальны и общеупотребительны благодаря тому, что они отражают психологию и мировоззрение не праздного люба, а народа-труженика (см. VIII, 8), что в них выражена «мудрость веков» (VI, 221).

Время проверяет и фильтрует появляющиеся в большом количестве фразеологические обороты, оставляя в арсенале языка лишь те из них, которые оказались общеупотребительными и поступили в фонд национальной фразеологии. В отличие от них, лживые и чуждые массам афоризмы обречены на забвение.

Но для существования и популярности афоризмов одной идейно-тематической актуальности и объективности еще недостаточно. Важно также, чтобы афоризм отличался лаконичностью, четкостью и оригинальностью построения. Для него, кроме того, характерен фигуральный, обобщенно-иносказательный смысл, благодаря чему «крылатая» фраза обладает качеством стилистической гибкости и «эластичности» и легко распространяется на многие жизненные явления. Именно абстрагированное значение, например, крыловского афоризма «А воз и ныне там» допускает бесчисленное множество применений и конкретизации.

От пословиц афоризмы отличаются литературной «родословной». В остальном в них, как и в пословицах, заметна та же лаконичность и иносказательность обобщений, те же признаки и свойства «крылатой» и образной фразы — носительницы авторитетной и проверенной мысли. Эта общность характерна и для их стилистической роли. Поэтому многие афоризмы часто теряют авторов и разделяют судьбу пословиц, т. е. становятся безымянными, обезличенными. И вообще исключена возможность смены ролей: пословица становится афоризмом, а афоризм — пословицей.

В щедринской концепции афоризмов эта общность мотивируется исторически. Афоризмы, по его мнению, создавались на базе пословиц, являлись их органическим продолжением и развитием*.

По наблюдениям Щедрина, народные пословицы часто не охватывали и не могли выразить всей сложности и остроты общественных

* «Старинная мудрость завещала такое множество афоризмов, что из них камень по камню сложилась целая несокрушимая стена. Каждый из этих афоризмов утверждался на костях человеческих, запечатлен кровью, имеет за собой целую легенду подвижничества, протестов, воплей, смертей... Это легенды воплей, этот мартиролог — разве они не представляют достаточного фундамента, на котором какой угодно бессодержательный афоризм может беспорно утвердить свое право на существование?» (10, 322).

отношений. Жизнь заставляла писателя конкретизировать пословицы, перерабатывать и дополнять их афористическими изречениями. Об этом он говорит в «Благонамеренных речах», имея в виду несостоятельность выражения «Простота хуже воровства» (см. 5, 30). Поэтому настойчиво ощущалась «потребность в иных девизах», «приходилось прибегать к афоризмам, которые хоть по наружности представляли что-то похожее на продукт мышления» (323). «Написавши на знамени: “ничто человеческое мне не чуждо”, я искренно уверовал, что воистину вступил в область “человеческого” (там же). Афоризмы, следовательно, дополняют пословичный цикл, являются его органическим продолжением и развитием. Эта точка зрения на генезис афоризмов исторически вполне мотивирована. Литературные афоризмы являются репродукцией, творческим развитием «ходячих» изречений. Этим объясняется их популярность, а также смысловая и конструктивная близость к изречениям народной мудрости.

Щедрин не смотрел на афоризмы как на нечто незыблемое: они являлись порождением своего времени*. Эту мысль он развивает в «Недоконченных беседах», где изображает общественные рауты того времени: «Люди собираются пестрые и подозрительные; разговоры ведутся шаблонные, неискренние... старики изрекают приличные обстоятельствам афоризмы и стараются проникнуть в намерения Бисмарка; младшие почтительно с ними соглашались, но внутренне думают: да, брат, порядком-таки ты от старости ошалел!» (С. 308). К аналогичному заключению приходит он в «Господах ташкентцах»: «Афоризмы самые крепкие подвергаются разложению» (8, 308).

Афоризмы — это своеобразный кодекс, как это можно заключить из его комментария к изречениям: «не боги горшки обжигают» и «я знаю, что я ничего не знаю» (8, 305, ср. 5, 406); это девизы и знамена (см. «ничто человеческое мне не чуждо»; 10, 323); это формулы мировоззрения: «мышление вредно» — согласитесь, что в этом афоризме заключено целое мирозерцание, и не утопическое какое-нибудь, но весьма конкретное, к выполнению которого

* Так как Щедрин употребляет термин «афоризм» в несколько расширенном значении и распространяет его на пословицы, «крылатые» слова и т. п., то его характеристику этих выражений можно продолжить такой градацией: сатирик различает афоризмы «отчаянные» («моя мысль — нет мысли»; см. 7, 51), «издревле известные» («молодость склонна ошибаться»; 8, 432), «благонамеренные» (5, 406), «солидные» (4, 409)), «приличные» (6, 308), «бессвязные» (4, 413), «обязательные» (см. 11, 519) и т. д.

на практике не может встретиться никаких препятствий» (VIII, 451); это житейские правила, ибо даже «азбучные поучения не пропадают бесследно, но с быстротою молнии разносятся во все концы» (4, 409); это заповеди и руководства (см. I, 113); они «верно очерчивают подоплеку» явлений (см. 6, 427), формулируют нормы поведения, приличия и т. п. (см. 2, 183).

Щедринская концепция афоризмов будет изложена не полно, если обойти молчанием его знаменитую рецензию на сборник афоризмов филолога Н. Макарова. В этой рецензии сатирик сформулировал свой взгляд на стилистическое своеобразие и нормы употребления афоризмов, а также коснулся принципов составления такого рода фразеологических справочников. Дело в том, что Макаров, задавшись целью собрать «хорошие» мысли многих авторов, сгруппировать их в тематические классы и разместить по алфавиту, выпустил в 1878 году справочник под названием: «Энциклопедия ума или словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков». Щедрин написал по поводу этого сборника такую уничтожающую рецензию, что обиженный автор «Энциклопедии» пожаловался на него в III отделение (см. VIII, 552).

Основные положения Щедрина сводятся к тому, что афоризм только тогда звучит полновесно и убедительно, когда не утрачена связь с первоисточником. В противном случае не только умалется его значение, но и не исключена возможность явно неверного толкования смысла. Он возражает также против самой идеи Макарова — объединить афоризмы в тематические группы. Взятые от многих авторов и расположенные по алфавиту, они, по его мнению, представляют собой «безвкусный винегрет» и могут лишь помочь «человеку вполне невежественному приобрести репутацию мудреца в глазах другого столь же невежественного человека» (там же, 472).

В качестве иллюстрации эклектичности «Энциклопедии», составленной Макаровым, сатирик приводит пример с Тряпичкиным, который пожелал прослыть финансистом и написать передовую статью для газеты. Начитавшись таких афоризмов: «Просите совета у мудрости: она научит вас быть счастливым без богатства», «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, а воры подкапывают и крадут»; проникнувшись этими «мыслями», он, по мнению сатирика, «несомненно напишет блестящую передовую статью, которую начнет словами: “Когда кто знает четыре правила арифметики, тот бывает орлом в финансах”, а кончит словами: “Финансисты поддерживают государство точно так же, как веревка поддерживает повешенного” (там же, 4.73).

Продолжая иронизировать в том же духе, Щедрин пришел к выводу, что эта «Энциклопедия» особенно хороша как подспорье для светских молодых людей, которые были слишком слабы по части красноречия и бесед*.

2

Своеобразие афоризмов Щедрина нельзя выяснить без учета общего значения и роли подобных фразеологических средств в беллетристических и особенно публицистических стилях литературного языка того времени. Идеино-тематическая целеустремленность и сатирическая острота его изречений будут очевидны лишь в том случае, когда выяснится крайне отрицательное, полное ненависти и презрения отношение Щедрина к лживой фразе и фразерству, получивших в то время широкое распространение и в корне чуждых идеям революционно-демократической сатиры.

Публицистика интенсивно насыщалась тогда афоризмами, половицами и вообще ходячими изречениями самого различного происхождения и свойства. В этих целях мобилизовывался фразеологический запас русского языка. С большим старанием отыскивались и извлекались удачные места из мировой сокровищницы образного слова, составлялись специальные справочники и словари, призванные способствовать распространению и популяризации ходячих изречений; большой успех имело также фразеологическое

* Составитель особенно гордился наличием в своем справочнике 213 «мыслей о женщине». Щедрин в сценке «светского разговора» едко высмеял непреходимую пошлость, в них заключающуюся:

«Достаточно молодому человеку за полчаса до отъезда на бал проштудировать несколько страниц “Энциклопедии ума”, чтобы во время первой же кадрили произошел следующий разговор:

Он. “Тот, кто не любит, тот есть тело без души!” (*Смотрит на ее бюст и облизывается.*)

Она (*вполголоса*). Не облизывайтесь; муж смотрит на вас. (*вслух*). Да; но “истинная любовь всегда скрывается и никогда не надеется на успех”. Наша очередь делать фигуру. (*Оба встают и исполняют свои кадильные обязанности.*)

Он (*смотря с упоением, как она садится*). “Любовь — это небесная капля, которую боги влили в чашу жизни, чтоб уменьшить ее горечь”.

Она (*вполголоса*). Вы так на меня смотрите, что муж непременно... (*вслух*). Я согласна с вами, но все-таки продолжаю думать, что “истинная любовь всегда сопровождается уважением”. Наша очередь делать фигуру. (*Встают и т. д.*)» (см. т. VIII, стр. 474).

творчество, продолжавшее старые и утверждавшее новые традиции и приемы формирования фразы. Фраза украшает столбцы газет, судебные ораторы прилагают все усилия, чтобы перещегоолять друг друга изречениями, которые приходились бы к месту и освежали их речи; им не уступают чиновники, которые, как рассказывает Щедрин, например, провожая начальника, в своих речах повторяют на все лады одну и ту же латинскую пословицу «о данайцах», ибо она заранее была намечена каждым оратором в качестве главного украшения тоста (см. «Помпадуры и помпадурши», т. 2, стр. 19–22). Таким образом, модной фразой и фразерством были заражены очень многие.

Уже в начале 60-х годов Щедрин пишет о необычайной «шумихе пустозвонных фраз» («Сатиры в прозе», 2, 286). Вскоре он вновь констатирует «небывалое обилие бесформенных общих фраз» («Помпадуры и помпадурши», 2, 213). Через несколько лет — в «Признаках времени», а затем в статье «Уличная философия» сатирик пишет о засилии громких и «щегольских фраз» (см. 8, 32).

В начале 70-х годов его внимание привлекают «коротенькие фразы», формулирующие «коротенькие мысли» (7, 322), и «галдение газетчиков: “довольно фраз! за дело нора, за дело!”» (6, 328). Спустя лет десять («Пошехонские рассказы») он опять с презрением пишет о фразерах, которые даже из вопроса о бесплодности фразы и необходимости «дела» ухитрились устроить «фразу» (10, 472).

Фразерство, по мнению Щедрина, — свидетельство падения умственного и нравственного уровня общества. Это — оружие наступления на общество реакционных элементов; это «дикое озлобленное цыканье хищников» (7, 142); маскировка нечистоплотных мыслей при помощи «бессодержательной фразеологии» (6, 213), манера «солидно и уверенно говорить неизреченные пошлости» (7, 371), «прикрывать ничтожество громкими фразами» (8, 378), «уравновешивать самые гнусные поступки высокопарными и бессодержательными фразами» (7, 173); это «брехи», засоряющие язык (см. 9, 81), «фортели», маскирующие новыми словами «старую сущность» (2, 538), и т. д. и т. п.

3

Афоризмы Щедрина необходимо рассматривать как закономерное продолжение и развитие всей фразеологической системы стилей революционно-демократической прозы и публицистики XIX века. При анализе их содержания и структуры следует учитывать ис-

пользование Щедриным богатейшего фразеологического запаса общенародного русского языка. Этот запас служил ему материалом и базой, на которой основывалось, от которой отправлялось его афористическое творчество. Поэтому его афоризмы идейно и тематически близки к богатейшей фразеологии разговорно-народного, древнерусского, литературно-книжного происхождения, которая так полно представлена в его языке.

К числу афоризмов, положительно интерпретируемых Щедриным, относятся также многие изречения, ставшие интернациональными и вошедшие в мировую сокровищницу фразеологии. Например, Щедрин неоднократно и вполне сочувственно употребляет шекспировский афоризм «невинность есть пустая бутылка, которую можно наполнить каким угодно содержанием». В «Господах ташкентцах» он иронически пишет, что мир наполнен бутылками, часть которых высокомерно называет себя «сосудами». А в заключение создает такой фразеологический неологизм: «Записать его в звание пустой бутылки» (8, 318).

Оригинальное развитие получают у него также известное выражение — «Рим спасли гуси» (см. 8, 147) и оптимистический афоризм вольтеровского доктора Панглоса. Щедрин, например, писал, что каплуны-консерваторы иногда шагают «дальше самого доктора Панглоса, утверждавшего, что все идет к лучшему в наилучшем из миров. Каплун удостоверяет, что Панглос оказал себя в этом случае петухом, а если и каплуном, то каплуном недавним... ибо, поучают каплуны, в прекраснейшем из миров не может быть движения к лучшему» (IV, 279). Ср. также рассуждение о панглосовской мудрости, занимающей городских («Итоги», 10, 226).

Целям сатирического изображения служит также платоновский афоризм «человек — это общипанный петух» (6, 461), цезаревское — «пришел, увидел, победил» (IV, 388), сократовский — «я знаю, что ничего не знаю» (8, 121). Ср. еще: «золотой век не позади, а впереди нас» (VII, 484) и др.

Мы не будем подробно останавливаться на приемах использования афоризмов Козьмы Пруткива. Укажем лишь, что, несмотря на заметное различие фразеологии, у Щедрина часто встречаются прутковские афоризмы*. Например: «“не обличать надо, а любить”, — говаривал покойный Прутков, а я с своей стороны присовокупляю: не сомневаться надо (сомневаться-то всякий умеет!), а радоваться» (6, 84).

* Например, «того, что свершилось, никак нельзя сделать несовершившимся» (V, 245), «необъятного не обнимешь» (XVIII, 235) и др.

Еще более очевидной и актуальной является проблема чуждых Щедрина афоризмов. Актуальна она потому, что в сравнении с этими отвергаемыми сатириком изречениями выясняется идейное и стилистическое своеобразие его собственных фразообразований. Щедрин постоянно сталкивался с целой стеной «бессодержательных афоризмов», как он выражался, — «запленной философии», которыми оправдывались общественные пороки и язвы. Противопоставляемые им щедринские афоризмы носили характер общественно-политический, а не благонамеренно-чиновничье-бытовой, как у Пруткова.

Какие же афоризмы Щедрин квалифицировал как чуждые? Прежде чем ответить на этот вопрос, напомним, что сатирик характеризовал свою деятельность как активный протест «против произвола, двоедушия, лганья, хищничества, предательства, пустомыслия и т. д.» (11, 542). В соответствии с этим острие его сатиры было направлено против тех афоризмов «запленной философии», которые, например, популяризировали ложь: «Ври и будь свободен от меры» (Подхалимов, «За рубежом», см. 8, 96); оправдывали беспринципность: «Только дураки не меняют убеждений» (Самоходов, «Пошехонские рассказы», см. 10, 421); отрицали стыд и совесть: «Стыд есть вывороченная наизнанку наглость» (афоризм «прихвостней современности», см. 6, 9); одобряли подхалимство: «Покорность это особая, своеобразная добродетель, с помощью которой человек много выигрывает и ровно ничего не проигрывает» (правило крутого горского чиновника; см. 3, 224); утверждали реакционные взгляды: «Всегда бывали господа, и всегда бывали рабы, и впредь уповательно так нее будет» (афоризм батюшки; см. 8, 252); ср. еще: «Вера — главное, а разум — все равно что слуга на запятках; есть надобность за чем-нибудь его послать — хорошо, а нет надобности — и так простоит на запятках» («Благонамеренные речи», слова батюшки, см. 5, 212) и т. д. и т. п.

С явной непримиримостью относится Щедрин к афоризмам, формулирующим «принципы» администрации: «Человек без шпицрутеноев все равно что генерал без звезды или газета без руководящей статьи» (Стрекоза, «Письма к тетеньке», см. 11, 440), «Ничто так не спасительно, как штраф, своевременно налагаемый, и ничто так не вредно, как безнаказанность» (Барышев, «Дневник провинциала», 7, 261), «Закон пуцай в шкафу стоит!» (стряпчий, «Помпадуры и помпадурши», 2, 147). То же самое можно сказать о девизах трусливых обывателей: «Ежели я ничего не делаю — стало быть, и бояться мне нечего» (6, 8), об афоризмах хищников: «Так и надо учить дураков!» (12, 31), «Жиганули, в лоск разорили!» (7, 146), морально

опустившихся людей Крутогорска: «Сон и водка — вот истинные друзья человечества» (3, 220), адвокатов: «Высокое вознаграждение за адвокатскую услугу есть налог на юридическое невежество общества» (5, 265), бездельников: «Жизнь есть не что иное, как торжество безделицы» (10, 54) и т. п.

Учитывая действенную роль афоризмов, Щедрин чутко реагировал на появление каждого нового изречения. В этом отношении особенно показательна его отношение к реакционной формуле редактора «СПБ. Ведомостей» Корша: «Наше время — не время широких задач».

Впервые он неодобрительно отзывается о ней в начале 60-х годов («Помпадуры и помпадурши», см. 2, 163). В 1876 году Пимен («Похороны») называет ее «распутной фразой», обвиняя ее автора — Менандра (т. е. Корша) в измене всему прошлому русской литературы: «Наше время — не время широких задач» — этим все сказано! Тут скудоумие, тут и распутство, и желание сказать нечто приятное... Ах!» (10, 298–300). В «Дневнике провинциала в Петербурге» автор называет эту фразу «противной и мутной пеной слов» и в то же время твердыней, за которой укрывается «бесчисленное пенкоснимательное воинство» (7, 369). Этим же изречением сатирик наделяет фразера из «Благонамеренных речей» (5, 291), а в «Пестрых письмах» (1884) се произносит Федот, который собирался «ограничить комплект действующих литераторов числом 101 и вообще надеть на литературу намордник» (6, 48). Так горячо и последовательно Щедрин подчеркивал и разоблачал реакционную сущность афоризма Корша.

4

Рассмотрим собственно щедринские афоризмы. «Во всяком благоустроенном обществе по штатам полагаются: воры, неисправные арендаторы, доносчики, издатели «Помой», прелюбодеи... лицемеры, клеветники, грабители» (II, 271) — так с афористической точностью формулировал Щедрин свой взгляд на язвы современного ему общества.

Теме о ворах посвящено у Щедрина немало остроумных изречений. В конце 70-х годов, когда казнокрадство принимало все более широкие размеры и открытые формы, автор в беседе с Феденькой («Круглый год»), олицетворяющим администратора новой школы, заявляет:

«По нынешнему слабому времени, надо обладать несомненным геройством, чтобы не стянуть плохо лежащего куша, особливо ежели он большой» (9, 41).

В «Признаках времени» эта мысль формулируется с помощью оригинального образа — пирога; афоризм становится еще более ощутимым и действенным: «Когда и какой бюрократ не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать? — никакой и никогда».

В этом же цикле очерков Щедрин характеризует мировоззрение «ревнителей хищничества» следующей формулой: «Мир представляется чем-то вроде громадного пирога с начинкой, к которому чем чаще подходишь закусывать, тем сытнее будешь» (7, 155).

Здесь тоже использован образ, получивший у сатирика развитие в целом ряде фразеологических построений: «фанатики казенного пирога», «пирог с казенной начинкой», «пироги почестей, славолюбия и карьер» и т. п. Таким образом, в афористических построениях Щедрина прослеживается общая для его словоупотребления закономерность: слова отвлеченно-книжные или публицистические взаимодействуют со словами предметно-бытового характера.

Это повторяется и в других новообразованиях Щедрина, где встречаются аналогичные соотношения. Например: «Взятка — женщина уже в годах, но вечно юная» (7, 128).

Наряду с этим Щедрин привлекает при создании афоризмов этой темы просторечную фразеологию, перефразируя и усиливая ее в соответствии с изменившейся обстановкой. Пословицу «не пойман — не вор» он модернизирует в названных очерках следующим образом:

«И поймай, да не вор, потому что кому же судить?» (7, 109). Явно саркастически звучит у него следующий афоризм: «Во всех странах железные дороги для передвижений служат, а у нас, сверх того, и для воровства» (10, 375).

Цикл подобных афоризмов на тему о воровстве можно было бы продолжать за счет, например, таких формул, как «хищничество — это, так сказать, высшая ступень цивилизованного комфорталюбия» (7, 147) и др.

Обратимся к афоризмам другой темы. Известно, сколько усилий прилагал Щедрин в борьбе с клеветой всех разновидностей — бытовой и политической. Отсюда понятна убедительность и острота, сообщаемая, например, такому афоризму («Пошехонские рассказы»):

«Одного-двух ябедников совершенно достаточно, чтоб держать в осаде целую массу людей» (10, 422).

Там же он добавляет:

«Сила ябеды так велика, что всякая попытка укрыться от нее является, по малой мере, бесплодною».

В «Дворянских мелодиях» тема безнравственности резюмируется следующими словами:

«Нравственный уровень общества настолько распутен, что пощечина сделалась единственно возможным мериллом для оценки поступков и действий» (9, 470).

Противопоставляя свою точку зрения «прихвостням современности», утверждавшим, что «стыд есть вывернутая наизнанку наглость» (6, 9), сатирик говорит:

«Самые закоренелые проходимцы — и те понимают, что в стыдящемся человеке есть нечто, выделяющее его из массы бездельников и глупцов» (9, 470).

Перу Щедрина принадлежат также следующие афоризмы:

«Как неприятно иметь дело с людьми, о которых никогда нельзя сказать наверное, лгут они или нет» (11, 41).

«Болтливость — порок, потому что скрывает ложь — мать всех пороков» (V, 271).

Большой интерес представляет цикл афоризмов Щедрина, посвященных литературе и писателям. Они выражают глубокую, полную благоговения любовь к литературе. Сатирик писал: «Ничто так не соприкасается с идеей о вечности, ничто так не поясняет ее, как представление о литературе» (9, 38).

«Литература не умрет! не умрет во веки веков!» (там же).

В предсмертном письме — завещании сыну он писал:

«Паче всего люби родную литературу, и звание литератора предпочитай всякому другому» (XX, 404). Эти слова произвели огромное впечатление на всю демократическую Россию, на молодое поколение.

Трагически звучал голос великого писателя, который сознавал свое одиночество, который сознавал, что ему неоткуда ждать под-

держки, ибо современный читатель в трудную минуту «в подворотню шмыгнет», а «читатель настоящий» еще не народился. Этот скорбный вывод, сделанный им после запрещения «Отечественных записок», приобрел афористическую известность:

«Литератор пописывает, а читатель почитывает» (6, 12).

Теме связи литературы с жизнью, значению и роли слова посвящен у Щедрина следующий афоризм:

«Когда утрачивается вера в животворящие свойства слова, то можно почти с уверенностью сказать, что и значение этого слова умалено до металла звенящего» (9, 146).

«Наезды» в литературу всяких дилетантов, «поденщиков современности» вызвали к жизни такую оригинальную формулу: «Сколько посидит, столько и напишет». Это остроумное выражение употреблено Щедриным много раз: сначала по поводу «реалиста французского пошиба» («За рубежом»), который «никогда не знает, что он сейчас напишет, а знает только, что сколько посидит, сколько и напишет» (8, 173). Затем — по адресу экономиста Грызунова («Письма к тетеньке»), которому «природа даровала железную поясницу и чугунное при ней днище»; «он с признательностью пользовался этим даром. Сядет, посидит, и сколько посидит, столько напишет» (11, 516). Позднее он распространяет ее на корреспондента Подхалимова («Пестрые письма»), который сядет «на сон грядущий, часа четыре сряду — строчки, строчки, строчки. Сколько посидит, столько и напишет. Собачья жизнь, господа!» (6, 92, ср. также 11, 95).

Наконец, поистине бессмертной стала щедринская формула о половинчатости либералов.

«С одной стороны должно признаться, а с другой нельзя не сознаться» (6, 198).

Продолжая характеризовать тематику афоризмов Щедрина, мы укажем на его изречения, посвященные, например, теме либерализма и политического оппортунизма:

«Нет задачи более достойной истинного либерализма, как с доверием ожидать дальнейших разъяснений» (т. 2, гл. IX).

Ср. афоризмы, нацеленные на помпадуров и вообще «Феденек русской администрации»:

«У нас путешествие без командировки невысказано» (10, 161).

«У нас нет середины: либо в рыло, либо ручку пожалуйста!» (6, 124).

«Увы! в человеческом сердце нет неизгладимых воспоминаний, а воспоминания о помпадурах меньше, нежели всякие другие, выдерживают клеймо неизгладимости» (2, 153).

«Будочник без свистков — все равно что мужик без портков» (10, 293) и др.

Примеры эти свидетельствуют о целеустремленности и злободневности афоризмов Щедрина.

Но было бы ошибочным квалифицировать афоризмы сатирика лишь только как злободневные и этим мотивировать их актуальность. Щедрин так многогранен и афоризмы его настолько разнообразны, что среди них найдется немало изречений, которые формулируют взгляды на психологию человека, его нравы, воспитание, быт, семейные отношения. В доказательство мы приведем некоторый перечень щедринских афоризмов:

«Первое последствие умственной одичалости — это скука» (7, 168).

«Нельзя сразу перевоспитать человека, как нельзя сразу вычистить платье, до которого никогда не прикасалась щетка» (11, 545).

«Отыскать рамки для задуманного дела уже значит наполовину обеспечить успех его» (7, 76).

«Только доведенная до героизма мысль может породить героизм и в действиях» (2, 307).

«Всякая путаница, даже самая любезная, должна иметь свой предел» (10, 98).

«Никто не сумеет так влечь обострить всякую боль, как люди, отравляющие друг другу жизнь “по-родственному”» (11, 439).

«Талант сам по себе бесцветен и приобретает окраску только в применении» (9, 12).

«Семья — это “дом”, это центр жизнедеятельности человека, это — последнее убежище, в которое он обязательно возвращается отовсюду, куда бы ни призывали его профессия и долг» (11, 439).

«Снежинчатая во всяком случае легче, нежели совершить подвиг» (8, 278).

«Злая праздность подозрительна и ревнива» (2, 175).

«Есть множество средств сделать человеческое существование постылым, самое верное — культ самосохранения» (8, 5).

- «Опыт — консолидированный свод привычек прошлого» (6, 7).
«Нет ничего изнурительнее, как — не понимать и не быть понимаемым» (8, 7).
«Нет того солнца, которого лучи не потускнели бы в глубинах безрассветной ночи, называемой человеческим злосчастьем» (10, 451).
«Подогретому слову цена уже грош» (6, 320).
«Есть люди, с которыми можно беседовать только сообща» (11, 155).
«Когда человек находится под влиянием паники, его легковерие быстро возрастает и всегда в обратном отношении к здравому смыслу» (VIII, 227).
«Истинно умными людьми называются только люди умелые» (7, 119) и т. д. и т. п.

5

Коснемся структурно-стилистических особенностей афоризмов Щедрина. Распространяя лексику и фразеологию бытового происхождения на отвлеченно-идеологические темы, сатирик добивался оригинальных результатов. Во-первых, публицистические понятия как бы переводились им на язык быта (государство — «пирог с начинкой»). Во-вторых, и бытовая лексика, получая в щедринском словоупотреблении новое применение, выражала более сложные понятия. Все это давало комический синтез бытового и идеологического, наблюдаемое, например, в следующем афоризме Щедрина:

«Газету можно уподобить блинам, которыми пользуются, пока они горячи; как только блин остыл, это, по выражению казанских татар, уже не блин, а “погана лепешка”» (XIII, 534).

Здесь типичное афористическое начало («Газету можно уподобить...»), являющееся своего рода фразовым клише, сочетается с фразеологией, идейно и тематически весьма далекой от публицистических средств выражения. Обращает на себя внимание и самая неожиданность, комичность аналогии: газета — блин, «погана лепешка». Слово «блин», распространяемое на идеологические понятия и сочетаемое со словом «газета», естественно, влияет на него снижающим образом. Поэтому для сатирического слога Щедрина вполне обычно такое употребление этого слова: «административный блин» (10, 20), «блины полицейские, акцизные, судебные и земские» (10, 19), заменившие обычные блины и символизирующие степень общественного раздора в провинции,

от чего зависит даже самое «блинное вещество» названных разновидностей. Ср. аналогичное в смысле создания элемента комического употребления слова «пирог»: «пирог абстрактный» (10, 122), «пирог архиерейский» (8, 516), «пирог отвлеченный» (10, 122), «пирог казенный» (9, 118), «пирог негоцианский» (10, 122), «всероссийский» (там же), «пирог с казенной начинкой», «пироги почестей, славолюбия и карьер» (10, 26) и т. п.

Все это свидетельствует о том, что Щедрин значительно расширил и абстрагировал значения бытовых слов.

Аналогичное словоупотребление положено в основу ряда афоризмов Щедрина.

В конструктивном отношении лишь некоторые изречения обособляются из общей массы фразеологических построений сатирика. Например, афоризм, в котором «будочник без свистков» сравнивается с мужиком «без портков», по своему размеру и рифме весьма близок к словичным выражениям.

Однако большинство изречений Щедрина носит ярко выраженный характер книжного построения. В синтаксическом отношении это — сложные предложения с определительными придаточными, обособленными причастиями, однородными членами предложения и т. п. Например:

«Ничто так не принижает человека, не суживает до такой степени его умственного кругозора, как легкая возможность сравнивать собственную бесспорную бедность с бедностью еще более бесспорною и абсолютною» (там же, 206).

Некоторые афористические изречения Щедрина не укладываются в рамки одного предложения, и логическое сказуемое выносится им в особое предложение:

«Трудно исчислить все блага, доставляемые твердым знакомством с синтаксисом, но между ними есть одно, которое бросается в глаза особенно ярко. Это благо — говорить и писать так, чтобы вас понимали» (VIII, 387).

Но в большинстве случаев сказуемое уместается в пределах одного предложения:

«Есть нечто худшее, нежели самая худая действительность, — это преднамеренная ложь на нее» (там же, 57).

Книжно-публицистический характер афористических построений Щедрина со всей очевидностью прослеживается на следующем изречении, как бы устанавливающем отношения элементов математической пропорции и напоминающем по своей архитектонике и лексическим средствам излюбленные способы научного выражения:

«Ответственность, низведенная до урядника, точно так же равняется безответственности, как необеспеченность, доведенная до лебеды, равняется обеспеченности» (8, 178).

Такого рода сложные конструкции встречаются у Щедрина наряду с более лаконичными и прозрачными в логическом и синтаксическом отношении изречениями. Например:

«Полуобразованность и жадность — две родные сестры» (VI, 64).

Все эти примеры свидетельствуют о значительном разнообразии и многогранности как тематики, так и структуры щедринских афоризмов. Можно утверждать, что афористические новообразования Щедрина, <...> получившие широкое признание при жизни писателя, в значительной своей части не потеряли интереса и актуальности и в наше время.

